

Едва забрезжил рассвет, Лу-гэр открыл глаза. Кан еще хранил тепло, братья сладко сопели под теплыми одеялами. Но старший брат, который обычно вставал в это время, сегодня не подавал признаков жизни.

Лу-гэр немного полежал, а затем осторожно вылез из-под одеяла и подполз к Е Цзюньшу. Склонившись над ним, он крохотной ручкой тихонько отодвинул край одеяла и распахнул ворот ночной рубашки брата.

В тусклом утреннем свете он увидел жуткие иссиня-черные пятна и кровоподтеки. Такое невозможно получить, просто «немного оцарапавшись» при падении. Лу-гэр закусил губу, и его глаза мгновенно наполнились слезами.

В этот момент Е Цзюньшу открыл глаза. Спросонья он не сразу понял, что происходит, и, увидев сидящего против света Лу-гэра, хрипло спросил:

— Проснулся? Уже рассвело?

Он глянул на окно — и правда, светлеет. Заметив, что малыш сидит в одной рубашке, он тут же сгреб его в охапку, затащил под теплое одеяло и ласково похлопал по спине:

— Спи еще, маленький, рано еще вставать.

Лу-гэр лежал, прижавшись к Е Цзюньшу, и крепко сжимал его одежду своими маленькими ручками.

Цзюньшу окончательно проснулся. Он полежал неподвижно какое-то время, и, заметив, что Лу-гэр больше не шевелится, решил, что малыш снова уснул. Тогда он осторожно высвободился, бесшумно встал и оделся, намереваясь приготовить завтрак.

Раны на теле всё еще ныли, но повседневным делам это не мешало. Цзюньшу решил не обращать на них внимания — пусть заживают сами, благо в юном возрасте восстановление идет быстро. Он привычно и споро хлопотал на кухне.

За это время рассвело еще сильнее. Закончив с основными делами, он подошел к дверям и отпер их. Сегодня к нему должны были заглянуть Хао-цзы и староста Жун-бо.

К его удивлению, едва он открыл дверь, как увидел стоящего на пороге человека.

Цзюньшу так вздрогнул, что чуть не вскрикнул, но, присмотревшись, узнал гостя:

— Жена второго старшего дяди?

— Чжоу-цзы... — Ду Нань выглядел смущенным. Он неловко поправил одежду и на мгновение замолчал.

Е Цзюньшу удивился визиту второго берму, с которым они почти не общались последние два года, но виду не подал. (В контексте этой истории «Второй берму» (第二伯母 — Er Bumu) — это обращение к жене (партнеру-гэру) второго брата отца главного героя. Если говорить проще, это жена второго старшего дяди)

Он с улыбкой поприветствовал его:

— Второй берму, доброе утро! Простите, я был на кухне и не слышал стука. Вы давно стоите? Скорее заходите в дом, погрейтесь.

— Нет-нет, не нужно! — тот замахал руками. — Я подумал, что еще слишком рано, поэтому не стучал. Ничего страшного, что ты не слышал.

Тяжелая жизнь оставила след на лице второго берму: в его глазах читалась вечная печаль и усталость, и лишь возвращение старшего сына, кажется, зажгло в них крохотный огонек надежды. Второму берму не было и сорока, но выглядел он гораздо старше, а в волосах уже проглядывала седина.

Он приоткрыл крышку своей корзины, достал аккуратно упакованный бумажный сверток и протянул его Е Цзюньшу:

— Это мягкие медовые пирожные, я вчера купил их в уезде. Отрезал вам немного, попробуйте с ребятами, вдруг понравится.

Е Цзюньшу сразу узнал упаковку из дорогой кондитерской. Судя по весу, там был почти целый цзинь (полкило) сладостей, а это удовольствие не из дешевых.

— Это... Второй берму, вы слишком добры, я не могу это принять! У младших братьев редко бывает возможность съесть такое, оставьте лучше им!

— Дома еще есть... Чжоу-цзы, мой непутевый сын всё мне рассказал. Мы с твоим вторым дядей ошибались насчет твоего отца. Мы так долго держали на него обиду, это было так глупо...

Только тогда Е Цзюньшу понял, что второй берму пришел извиниться. Учитывая его дружбу с Хао-цзы, Цзюньшу и так давно бы их простил, не держа зла. К тому же его покойные родители тоже никогда не винили семью второго дяди — ведь когда пропадает старший сын и неизвестно, жив он или мертв, любой потеряет покой.

Ду Нань родил Хао-цзы спустя несколько лет после замужества и души в нем не чаял. Когда Хао-цзы ушел из дома, вся семья была в отчаянии. Будь они чуть менее благоразумными, могли бы и скандал устроить прямо в доме Е Цзюньшу. Но даже без скандалов отношения охладели: при виде семьи Цзюньшу второй берму каждый раз вспоминал о пропавшем сыне, и на душе у него становилось горько.

Теперь, когда сын вернулся целым и невредимым и объяснил, что произошло на самом деле, семья второго дяди чувствовала жгучую вину за два года несправедливых обвинений. Ду Нань хотел как-то компенсировать это братьям Е, но их собственная семья была так бедна, что едва сводила концы с концами. И вот, как только старший сын привез немного денег, он сразу купил сладостей.

Чтобы второй берму не мучился совестью, Е Цзюньшу пришлось принять подарок.

— Подождите минутку, я сейчас вернусь, — сказал он и убежал в дом.

Он достал несколько кусочков сладостей, которые купил для него Мин-аму, завернул их и выбежал обратно.

Ду Нань всё еще ждал на улице. Цзюньшу быстро подошел и вложил ему в руки сверток:

— Второй берму, возьмите это для младших братьев, пусть полакомятся.

— Что ты... Я не могу брать у тебя вещи, забирай сейчас же! — запротестовал Ду Нань.

— Тут совсем немного. Это подарок от меня как от старшего брата. Если не возьмете, мне будет неловко принимать ваш подарок, — твердо настоял Е Цзюньшу.

— ...Хорошо. Тогда я пойду. Если понадобится помощь — только позови, — Ду Нань не смог переспорить юношу и ушел.

Е Цзюньшу проводил его взглядом и прикрыл дверь. Деньги за того кабана, что продали в деревне, целиком забрал дядя Ли. Е Цзюньхао и Е Цзюньшу разделили только выручку за того огромного зверя, которого отправили в уезд. Тот секач весил больше пятисот цзиней, и даже по цене восемь вэней за цзинь выходила приличная сумма. А так как дядя Ли был в хороших отношениях с владельцем кабака, за всю тушу дали ровно пять лянов серебра!

После дележа пополам каждому досталось больше двух лянов. Для крестьянской семьи это были огромные деньги — за год упорного труда порой столько не скопишь! На мгновение Цзюньшу даже почувствовал легкое головокружение от такой удачи. Но, вспомнив, что ради этого пришлось рисковать жизнью, он понял — игра не стоит свеч. О таких заработках в будущем лучше только мечтать.

Они решили разделить эти деньги на три части: два ляна отдать дяде Ли, а остальное — поровну между собой. Они отдавали долю дяде Ли без тени сомнения, понимая, что без его вмешательства могли бы и вовсе не вернуться из леса.

Е Цзюньшу сжимал в руках горшочек с деньгами, не в силах сдержать радостной улыбки. Какое же это прекрасное чувство — иметь деньги! Теперь никакие трудности не страшны. Прокормить нескольких малышей? Да он теперь и больше вытянет! Ну, может, он немного и преувеличивал, но уверенность в завтрашнем дне дорогого стоила.

Днем зашел Жун-бо и принес ответные дары от учителя: целый ящик и огромный тюк. Цзюньшу не стал сразу всё открывать, а сначала расспросил старосту о делах, после чего вернул ему серый мешочек с деньгами.

— Староста, здесь те двести вэней, что я занимал, и деньги за вчерашнее мясо.

Вчера у него не было с собой денег, и за мясо расплатился Жун-бо, а этот мешочек был тем самым, в котором староста передал ему первый заем. Теперь, когда у Цзюньшу появились свои средства, надобность в долгах отпала.

Староста не спешил забирать мешочек:

— Можешь не торопиться с возвратом.

— Вы же знаете, я получил свою долю за дикого кабана. Этого хватит надолго. К тому же скоро Новый год, вашей семье тоже нужны деньги, — Цзюньшу прищурился от улыбки. — Если мне правда понадобятся деньги, я не стану скромничать и приду к вам.

Только тогда Жун-бо забрал мешочек:

— Если что-то потребуется — говори.

— Обязательно.

Когда староста ушел, Е Цзюньшу перенес дары в кабинет. Сначала он развязал тюк. Внутри оказалась изящная и милая детская одежда и обувь. Сразу было видно, что это работа жены

учителя (shimu) — подарок для двойняшек. Ткань была очень приятной на ощупь, на вид тонкая, но очень теплая — как раз то, что нужно малышам в это время года.

Помимо обновок для двойняшек, в тюке нашлась одежда и для остальных братьев — всё спокойных, неброских цветов. Не забыли и про самого Е Цзюньшу, отчего на душе у него стало невыносимо тепло. Пусть он больше не посещал занятия, семья учителя по-прежнему искренне пеклась о нем.

Аккуратно сложив вещи, Цзюньшу перевел взгляд на стоящий на столе ящик. Тот был довольно увесистым. Открыв крышку, он увидел плотно уложенные ряды книг, а рядом с ними — тяжелый кошель с монетами. Сверху на вещах лежало приметное письмо.

Цзюньшу вскрыл конверт. Первые же строки гласили: «Друг мой Цзычжоу, пишу тебе...»

Письмо прислал Цинь Яолян, второй сын учителя. Он был старше Цзюньшу чуть больше чем на два года, но они всегда прекрасно ладили и были очень дружны. Сначала Яолян осведомился о его делах, а затем на нескольких страницах принялся разливаться соловьем, живописуя свои «страдания». Он во всех красках расписал, в какой ад превратилась его жизнь после того, как Цзюньшу покинул школу.

Цзюньшу невольно улыбнулся. Яолян с детства терпеть не мог зубрежку, предпочитая серьезным фолиантам всякую «ерунду». Но, на его беду, отец был человеком строгим и старомодным: он неусыпно следил за сыном, твердо решив подготовить его к государственным экзаменам.

Пока Цзюньшу учился, учитель делил свое внимание между ними, и Яоляну жилось вольготнее. Но стоило другу уйти, как бедолагу заставили ежедневно переписывать трактаты и строчить бесконечные сочинения. В подтверждение своих слов Яолян даже приложил «улики» — собственноручно переписанные «Четверокнижие» и «Пятикнижие», а также стопку недавних работ!

В конце письма стоял отчаянный призыв: ради спасения верного друга из лап «бессердечного и придирчивого» учителя, Цзюньшу просто обязан прилежно заниматься по этим книгам и в следующем году непременно вернуться в школу — лишь бы отец переключился на кого-то другого!

Цзюньшу смеялся, но в глазах предательски защипало. Он даже не знал, что и сказать на такие излияния своего старшего названного брата. Откуда ему сейчас взять время и силы на учебу?

Впрочем, написать ответ он был просто обязан. Цзюньшу достал давно не тронутые кисти и тушечницу, растер тушь, расстелил лист рисовой бумаги и, обмакнув кончик кисти в черную влагу, начал писать ответ...

<http://bllate.org/book/15226/1347388>